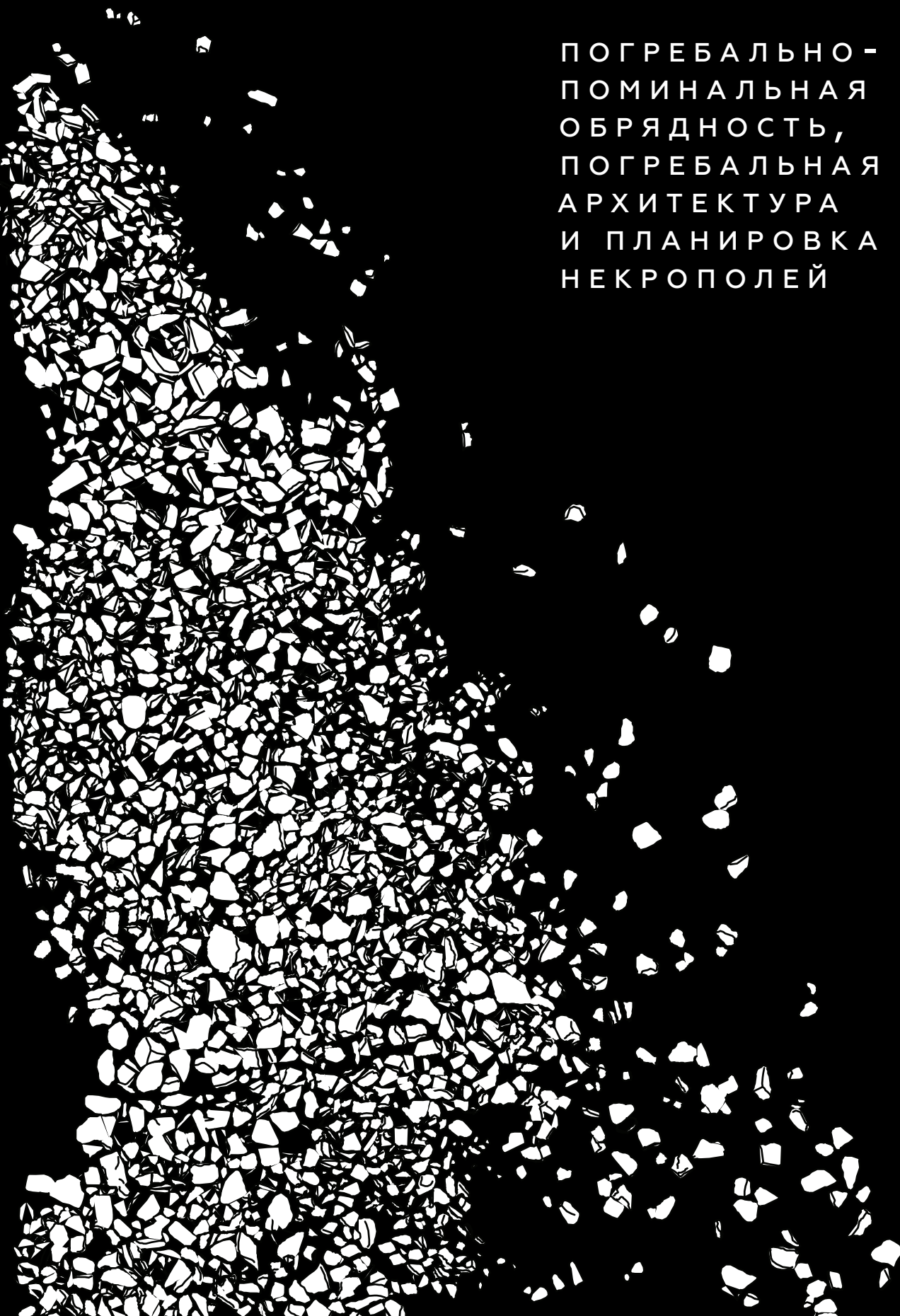

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Е. А. Смагулов

МЕСТО НАЗЕМНЫХ СКЛЕПОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье предлагается альтернативная трактовка погребальных артефактов, распространенных в северо-восточных оазисах Средней Азии в позднеантичное и раннесредневековое время. Развивается точка зрения на наземные склепы/наусы, захоронения очищенных костей в хумах/оссуариях как на следы одного погребального обряда. Обряд этот — следствие единого в целом представления о загробном бытии, для которого необходимы сохраненные кости скелетов. Ритуальные манипуляции с останками предков растянуты во времени на годы, до тех пор, пока костные останки не находят упокоение в укромных местах в грунтовых погребениях. Наземные склепы и целые храмы предков (Кайрагач, Сидак), в которых проводились обряды поминовения и хранились оссуарии, являются в этом обряде важным, но промежуточным звеном археологических следов этого обряда.

Ключевые слова: склепы, погребальный обряд, культ предков, храм предков, хумы, ритуальные комплексы, оссуарии.

В Средней Азии античной и раннесредневековой эпохи практиковалось множество погребальных обрядов, оставивших еще большее количество форм погребальных сооружений. Некоторые из них вполне убедительно «вписаны» в реконструируемые погребальные обряды, установлено время их возникновения, ареал распространения, семантика и место в погребальном обряде. Относительно других продолжают существовать противоречивые мнения. Бывает и так, что противоречия ширятся пропорционально количеству обнаруженных артефактов.

Со времен Н. П. Остроумова и К. А. Иностранцева наибольшие вопросы в среднеазиатской археологии вызывают наземные склепы, или «наусы». В трактовке их места в погребальном обряде наблюдаются, казалось бы, непреодолимые противоречия. Преодоление проблемной ситуации возможно, совершив переход от «археологии артефакта» к «археологии ритуала», в терминологии Д. Г. Савинова (Савинов, 2013. С. 42–45).

Ниже мы рассмотрим возможный вариант реконструкции раннесредневекового погребального обряда, в ходе которого наземные склепы обретают свое место, а некоторые вопросы, связанные с их изучением, получают непротиворечивые ответы. Базовыми объектами, материалами которых мы будем оперировать, является ряд некрополей средней Сырдарьи. Среди них Борижарский могильник — наиболее крупный и наиболее изученный некрополь Южного Казахстана. Общая его площадь 2100 га, он включает 2286 «курганов» (Байтаков и др., 2008. С. 239–247). Из них не менее 233 курганов имеют следы недавних раскопок¹.

Здесь выявлены два основных вида погребальных сооружений: *подкурганные катакомбы* и *наземные склепы*. Катакомбы локализуются исключительно на поверхности верхней террасы и в верхней части ее склона. Склепы же расположены ниже по склону, обращенному к городищу Жуантобе, холм которого возвышается на площадке нижней террасы р. Арысь. Склон с холмиками простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500–600 м. Эту часть могильника предложено именовать «некрополем Жуантобе». По предварительным подсчетам к некрополю Жуантобе может быть отнесено примерно до семисот холмов, под которыми, по нашему мнению, могут скрываться руины наземных

¹ В обобщающем издании 2005 г. нам удалось выявить в архивных и опубликованных источниках сведения лишь о десятке катакомб и восьми десятках наземных склепов, исследованных к тому времени (Байтаков и др., 2005. С. 89–96, 98–129).

склепов (рис. 1)². Погребения в катакомбах относятся к расположенному выше и протянувшемуся на 13 км Борижарскому могильнику³. Они датируются первыми веками до и после нашей эры и относятся к иной историко-культурной эпохе.

Рис. 1. Общий вид части некрополя Жуантобе

Впервые раскопки здесь были проведены в 1893 г. по инициативе Н. П. Остроумова, являвшегося представителем Российской Императорской археологической комиссии в Туркестанском крае. Эти работы выявили погребения в «огороженном сырцовым кирпичом четырехугольнике» (Остроумов, 1899. С. 125–126). Очевидно, что здесь исследователи столкнулись с остатками наземных склепов, которые вследствие обрушения перекрытия и многовековой деструкции и дефляции, имеют вид курганообразных холмиков, а после расчистки предстают в виде сырцовой «оградь».

Такие же «оградки» были расчищены здесь в 1949, 1951 г. Южно-Казахстанской экспедицией (ЮКАЭ, рук. А. Н. Бернштам). Исследователи датировали склепы в рамках VIII–X вв., а тип вскрытых сооружений определили как «площадки на уровне горизонта с прямоугольными оградками» (Агеева, Пацевич, 1956. С. 33–60).

В 1967 г. исследования могильника были продолжены Семиреченской археологической экспедицией (САЭ, рук. К. А. Акишев). Раскапывались десятки «курганов», а итоги были обобщены так: «Общее для всех вскрытых курганов то, что захоронения в них совершены не в обычных могильных ямах, а на специально приготовленных для этих целей *могильных площадках*... Делались они всегда из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Толщина слоя площадок от 5 до 10 см. Внешние очертания их рисуются в самых различных линиях.

Вместе с тем в обрядах погребений прослеживаются и отличные в деталях разновидности. Выражаются они в следующем: могильные площадки открыты со всех сторон (курганы №№ 5, 6, 17, 21); могильные площадки огорожены четырехугольными, близкими к квадрату оградками из пахсы (курган № 27); на могильных площадках построены архитектурные наземные погребальные сооружения (курганы №№ 29 и 33)». Первоначально полагалось, что постройки были «открытыми надмогильными сооружениями. Холм образовался позднее, вследствие разрушения стен сооружения» (Нурмуханбетов, 1969.

² Для сравнения отметим, что на некрополе известного города Пенджикент в Согде зафиксировано всего около 150 холмов, под которыми подозревают руины наземных склепов (Мейтарчиан, 2001. С. 74).

³ Для удобства далее будем обозначать «Борижарский могильник» — БМ; «некрополь Жуантобе» — НЖ.

С. 173). То есть ни о какой «курганной насыпи» в реконструкции формы погребального сооружения речи не шло. Но позже вновь тип погребений в «погребальных постройках» был определен как «*труположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек*» (Нурмуханбетов, 1970. С. 117).

Как видим, в описании результатов исследования описываемой серии «курганов» использована не-систематизированная терминология, порождающая много неясностей (Байпаков и др., 2005. С. 139–140). Но все эти недоразумения с разнообразием «наземных погребений на площадках» снимаются, если признать, что со времен Н. П. Остроумова на НЖ раскапывались *разной степени сохранности остатки сводчатых (или купольных) погребальных сооружений для временных многократных труположений в виде сырцово-пахсовых наземных склепов для временных многократных труположений*⁴.

Более адекватная исследовательская методика позволила практически в те же годы вскрыть у аула Шага на южных предгорьях Каратау наземные погребальные склепы (Максимова, 1974. С. 95 и сл.). И хотя вскрытые постройки А. Г. Максимовой правильно были интерпретированы как *открытые наземные постройки, перекрытые коробовыми сводами*, в публикации они по традиции называются «курганами» (№№ 67–68, 75–76, 108) (Там же. С. 96). Использование названий «курган», «курганная насыпь» невольно создает ложное представление о характере погребального сооружения под внешне обманчивым обликом. Вследствие этого появляются «подкурганные склепы (наусы) Борижарского и других могильников Южного Казахстана» (Левина, 1996. С. 89).

Рис. 2. Керамическая дверная заслонка склепа

трех собак. Скелет одной из них *in situ* расчищен во входном коридоре. Помимо этого, имеется репрезентативная коллекция находок, среди которых одна согдийская монета конца VII – первой половины VIII в. с квадратным отверстием. Эта находка, а также аналогии другим вещам (керамика, железные

Склепы имеют подквадратную в плане форму с размерами по наружному контуру близкими 4–5 × 4–5 м. Ориентированы углами по сторонам света. Вход во внутреннюю камеру в виде длинного (3–3,5 м) узкого (0,7–0,9 м) сводчатого коридорчика устраивался посередине юго-восточной стены. С наружной стороны входы в камеры после каждого очередного подзахоронения тщательно закладывались пахсой или сырцовым кирпичом, использовались и каменные плиты или специальные керамические дверки/заслонки (рис. 2). В подквадратной погребальной камере вдоль двух-трех стен располагались невысокие (0,15 м) суфы-лежанки. Внутренние поверхности стен, суфы и пол тщательно покрывались глиняной штукатуркой. Отмечен и случай побелки.

Останки погребенных зафиксированы внутри камеры и в коридоре в виде перемешанных кучек костей. В разных склепах отмечено разное количество погребенных, от трех до двадцати пяти. Среди человеческих костей в склепе № 68 обнаружены черепа

⁴ В исследовании погребальных сооружений в психологическом плане здесь пришлось преодолевать давление «курганного стереотипа мышления». Похожая в общих чертах ситуация недавно преодолена в золотоордынской археологии при интерпретации раскопок «подкурганных сырцовых оградок» (Зиливинская, 2014).

наконечники стрел и пр.) позволили А. Г. Максимовой датировать склепы концом VII — первой половиной VIII в. Эту датировку она распространила и на Борижарские склепы (Максимова, 1974. С. 115).

Таким образом, после исследований Шагинского некрополя стало окончательно ясно, что вскрывавшиеся на Борижарах так называемые «погребения на площадках» и «погребения в пахсово-сырцовых оградках» и т. п. есть различной степени сохранности остатки «гробниц типа наусов» или «наземных склепов».

При этом в соседних областях Средней Азии к тому времени археологические исследования наземных погребальных склепов шли довольно интенсивно (Ставиский и др., 1953; Агзамходжаев, 1962; Бураков, 1968). Помимо археологических публикаций, эти постройки вошли в обобщающие историко-архитектурные работы, а Г. А. Пугаченкова увидела в так называемых «наусах» раннего средневековья архитектурный зародыш «исламских мавзолеев» (Пугаченкова, 1983. С. 23–24).

Интересные данные были получены при исследовании некрополя Краснореченского городища в Семиречье. Здесь небольшие купольные склепы (внутренняя площадь 1,5–2 кв. м) образовывали плотную застройку части некрополя второй половины VIII – середины X в. (Горячева, 1989. С. 85–95). Яркая картина, вскрытая раскопками, говорит о том, что обычный ход жизни здесь был нарушен, погребальный процесс прерван и поэтому в склепах мы видим кучки костей, скелеты в той или иной степени сохранности, поспешно засунутые в склеп поверх лежащих на полу костей, хумы и оссуарии (Там же, 1989. С. 85–95). Такая ситуация наблюдается в большинстве склепов, документирована она и внутри пянджикентских склепов (Ставиский и др., 1953. С. 64–98).

В меньшей степени разгром содержимого наблюдается внутри склепов джетыясарской культуры в низовьях Сырдарьи (II в. до н. э. – VIII в. н. э.) (Левина, 1996. С. 68–69). Здесь было раскопано около 700 курганов, из которых под ста двумя оказались сырцовые сводчато-купольные постройки трех типов: 1 тип — подземные; 2 тип — полуподземные; 3 тип — наземные. А. М. Левиной они называются «склепами», а их появление датируются сер. I тыс. до н. э.⁵ В джетыясарских склепах завернутые в камышовые циновки погребенные укладывались на суфы в вытянутом положении на спине с вытянутыми ногами и руками. Иногда под головой лежала войлочная подушка. Рядом размещали погребальный инвентарь: керамические сосуды с заупокойной пищей, орудия труда, оружие, туалетные наборы в женских погребениях. По предположению А. М. Левиной, по мере заполнения склепа все ранние погребения убирались, склеп ремонтировался, заново обмазывался штукатуркой, при необходимости слегка перестраивался (Там же, 1996. С. 71, 85). То есть можно сделать вывод, что склепы служили не для окончательного упокоения останков, а лишь для того, чтобы произошло разложение плоти. После этого кости собирались и окончательно хоронились на стороне. Последние («оссуарные некрополи») обычно описываются и воспринимаются как свидетельства отдельного своеобразного «оссуарного или хумного» обряда погребения, но мы предлагаем рассматривать склепы и «оссуарные некрополи» как археологически фиксируемые материальные следы *разных стадий одного погребального обряда*.

Вывод о массовости и типичности наземных склепов как погребальных построек раннесредневекового времени в южно-казахстанском регионе, естественно, предполагал их наличие на некрополях других поселений и городов. Туркестанской археологической экспедицией (ТЭЭ, рук. Е. А. Смагулов) на некрополе городища Сидак были расчищены руины шести сырцово-пахсовых склепов (Ержигитова, Смагулов, 2004. С. 81–89). Здесь во многом повторяются результаты расчисток склепов шагинского и борижарского некрополей. Во всех случаях фиксировались хаотично разбросанные по полу и суфам

⁵ Столь раннюю датировку нижней границы бытования склепов, опирающуюся на находки бронзовых наконечников стрел, на наш взгляд, вполне обоснованно ставит под сомнение Б. И. Вайнберг, считая возможным датировать появление склепов II в. до н. э. (Левина, 1996. С. 68–69; Вайнберг, 1999. С. 191). Б. А. Литвинский, обнаружив бронзовый втульчатый наконечник IV в. до н. э. в одном из североферганских курумов, отказался признать его датирующим артефактом, осторожно трактуя эту находку: «...более вероятно, что старый наконечник имел характер амулета и был включен в погребальный инвентарь в I–II вв. н. э.» (Литвинский, 1972. С. 195). Аналогично и А. Г. Максимова, обнаружив в одном из шагинских склепов бронзовый черешковый наконечник, не придавала ему датирующего значения (Максимова, 1974. С. 114, рис. 19, 3).

склепа кости и отдельные мелкие находки. Лишь в одном случае скелеты лежали почти в анатомическом порядке (склеп № 4). Из отдельных интересных находок нужно отметить бронзовое зеркало, фрагмент керамической курильницы «ладьевидной» формы, серебряную пряжку с инкрустацией гранатами и пластинки от поясного ремня (рис. 3). Этот пояс с пряжкой имеет ближайшие аналогии среди джетыясарских материалов III–IV вв. (Левина, 1996. Рис. 133).

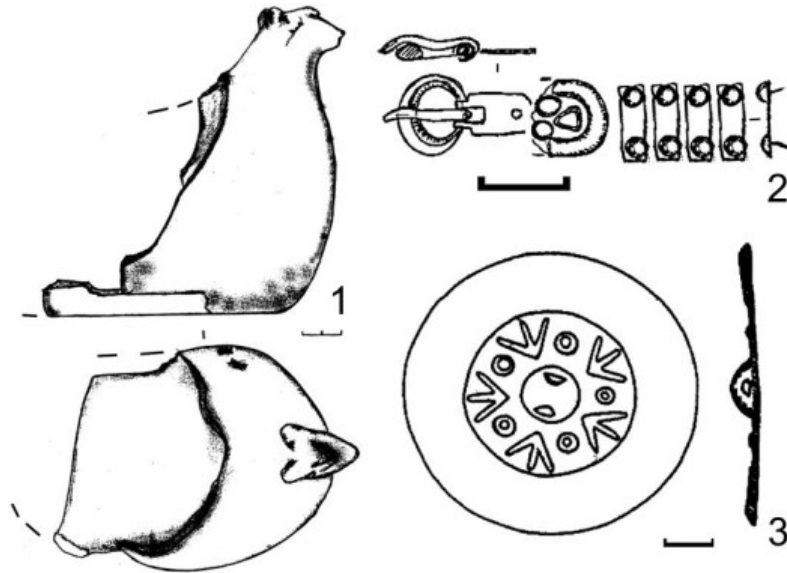

Рис. 3. Находки из склепа 4 некрополя Сидак. 1 — фрагмент керамической фигурной курильницы; 2 — пояс с серебряными накладками и пряжка с гранатовыми вставками; 3 — бронзовое зеркало

Рис. 4. Один из двухкамерных склепов некрополя Жуантобе

На новом этапе изучения БМ накапливаются материалы по различным типам погребений, но в большинстве случаев вскрываются остатки наземных погребальных построек (Ержигитова, 2005). Более адекватная методика раскопок позволяет исследователям во всех без исключения случаях четко фиксировать стены и детали интерьеров построек. Из интересных новых данных можно отметить открытие двухкамерных склепов (рис. 4). Авторы новых раскопок принимают датировку, предложенную А. Г. Максимовой для Борижарских склепов VII–VIII вв., которая, надо отметить, не противоречит датировкам, предложенным на основе анализа разного рода находок В. И. Распоповой и Л. М. Левиной.

Установлено, что на БМ склепам хронологически предшествуют погребения в подкурганых катакомбах и в простых подкурганых могильных ямах. Но никаких «переходных форм» между этими двумя видами погребальных сооружений пока не обнаружено. Имеется и несколько вариантов реконструкций архитектурного облика наземных склепов (рис. 5).

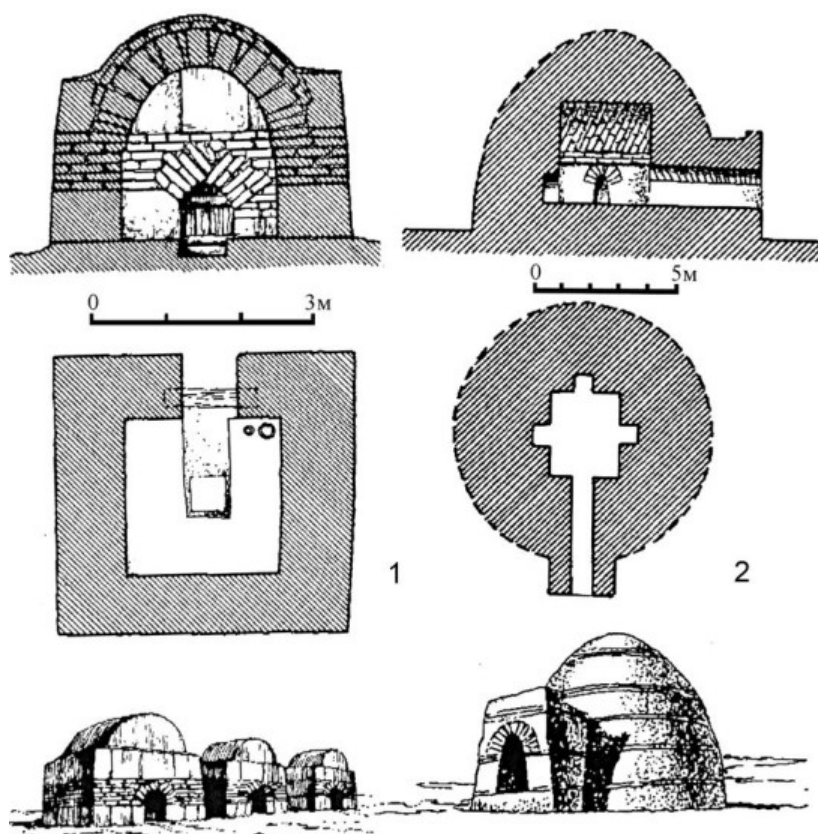

Рис. 5. Реконструкция наземных склепов (по В.А. Нильсену)

Обобщая доступные данные из отчетов и публикаций за вторую половину XX в. и начало нашего века, можно установить, что из 80 раскопанных здесь «курганов» в 64 случаях были расчищены остатки наземных погребальных сооружений (склепов), которые описаны в отдельных случаях как «наусы», «оградки», «площадки». Кроме того, вскрыто десять катакомб, в остальных случаях под курганами никаких конструкций проследить не удалось, и они отнесены к кенотафам.

В склепах зафиксированы ситуации, когда:

— костные остатки полностью отсутствуют (например, 28, 75/1953; 20/1989; 18, 19/1999; 2, 3/2001; 1, 2/2003 и т. д.), таковых 38%⁶

— отдельные кости скелетов, разбросанные по полу камеры вперемешку с вещами (55, 98/1953; 2, 4, 5, 7, 11, 14, 17/1969; 26, 32, 33/1970; 25, 14, 26/1998; 13/1999; 1, 4, 5/2001; 1, 3/2002), скелеты не полные; таковых около 23%;

⁶ Первые цифры обозначают номера «курганов» по публикации (или отчету), вторая — год публикации. Выражаю благодарность А. А. Ержигитовой за помощь в статистической обработке данных.

- зафиксированы лежавшие на спине скелеты (36, 59, 57, 35/1953; 19, 22, 3/1969; 17/1999); 4%;
- кости скелетов были собраны в кучки (38/1953; 13/1969; 36/1989; 7/1999; 6/2001; 2/2002); 16%;
- в остальных случаях наблюдается совмещение в одном склепе разных видов состояния костей.

А. Г. Максимова определила шагинские склепы как «гробницы типа наусов» (Максимова, 1974). Тем самым как бы подчеркнул формальное сходство их внешнего вида с хорошо известными к тому времени среднеазиатскими наусами, но отличие формы и сути погребального обряда. Это же обстоятельство было подмечено и Б. Нурмуханбетовым: «...борижарские погребальные сооружения, имея много общего во внешнем строении с наусами, не являются ими по назначению» (Нурмуханбетов, 1969. С. 120). Оценив ситуацию, наблюдаемую в отдельных склепах Краснореченского некрополя, В. Д. Горячева приходит к заключению, что «сначала в наусе истлевал труп», а «весь материал свидетельствует о выставлении трупов с последующим погребением очищенных костей» (Горячева, 1989. С. 90, 95). То же самое предполагает частично реконструируемый погребальный обряд джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи (Левина, 1996. С. 71, 85).

В истории культуры Центральной Азии наусами принято именовать погребальные постройки, свойственные маздеистскому (или зороастрийскому?) погребальному канону, хотя о степени влияния/распространения зороастризма в Средней Азии среди специалистов нет единого мнения. Одни готовы видеть проявление зороастризма в каждом факте особого отношения к огню, или в любом погребении очищенных костей. Но ведь не только последователи Заратуштры приобрели от богов монополию на почитание огня и очищение костей своих предков. Другие отрицают распространение и влияние зороастризма, государственной религии сасанидского Ирана, в оазисах Средней Азии и Семиречья в эпоху древности и в раннем средневековье. Каждый из этих подходов имеет свои слабые и сильные основания. Детальное их рассмотрение не входит в задачу нашего доклада. Нам следует лишь отметить, что продвинуться в понимании религиозной жизни населения присырдарьинских и среднеазиатских оазисов при отсутствии однозначно трактуемых письменных источников можно на основании систематического анализа результатов раскопок погребальных памятников.

Замечу, что наземные склепы были известны и в древнем Парсе/Персиде, но здесь древняя зороастрийская традиция порицала этот вид погребальных сооружений, не признавала его зороастрийским и предписывала их уничтожать (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 211).

Нами предлагается в целом непротиворечивая реконструкция погребального обряда (естественно, археологизированной его части), распространенного в раннесредневековых поселениях и городках Присырдарьинского региона, как протяженного во времени цикла обрядовых действий, в котором наземные склепы занимают промежуточное место. При этом обряде наземные склепы служат местом выставления трупа до его полной естественной скелетизации. После чего очистившиеся кости в определенное традицией время собираются в бытовой или специально изготовленный сосуд, или в специальную урну/оссуарий, или просто заворачиваются в ткань/кошму и хранятся в домах наследников, или помещаются в специальные родовые храмы предков и только потом погребаются окончательно в укромном, не попираемом людьми и скотом месте, опять же в определенное традицией время, или в условиях внешней угрозы (Смагулов, 2004а. С. 252–256; 2004б. С. 40–55). При этом склепы являются местом не погребения, а лишь выставления. Случаи же обнаружения в склепе совместно лежащих скелетов, кучек костей, хумов и урн с костями можно трактовать как следствие *незавершенного погребального обряда*, когда некрополь внезапно забрасывался. Такие явления, надо полагать, происходили в массовом порядке в эпоху утверждения и распространения ислама среди оседлого населения региона (VIII–IX вв.)⁷. Разнообразие в состоянии костей — это разные стадии, которые проходят человеческие останки внутри склепа. На следующем этапе кости выносятся и, возможно, хранятся некое время в доме потомков или, как вариант, в родовых/общинных храмах предков, и только по истечению определенного времени они хоронятся в укромном месте: так появляются погребения по «оссуарному» или «хумному обряду».

⁷ Поэтому наиболее представительные комплексы находок из склепов обычно датируются именно этим временем.

Такая реконструкция действительно объясняет многие до сих пор непонятные, но часто отмечаемые при вскрытии наземных склепов моменты. То есть концепция имеет эвристическую составляющую. Например, становится ясным, почему большинство более-менее представительных комплексов находок (с монетами и др.) в склепах Средней Азии датируются VII–VIII вв., то есть временем арабского завоевания и утверждения ислама: именно в это время, вероятно, происходил массовый переход к иному погребальному обряду, при этом прежние погребальные сооружения разрушались и забрасывались. Понятно, почему в склепах редки закрытые комплексы находок более раннего времени: они там и не могли массово откладываться, потому что склепы регулярно чистились, подновлялись и служили семье многие годы или века. При этом мы акцентируем внимание на тех сторонах этого обряда, которые никак не могут быть обусловлены зороастрийскими представлениями.

На несоответствие среднеазиатских погребений в наусах, оссуариях и пр. зороастрийской догматике, как она известна по письменным и этнографическим данным, указывают многие авторы, но при этом почему-то продолжают именовать эти обряды зороастрийскими (*Мейтарчиан*, 2001. С. 71).

Нужно отметить, что протяженный во времени погребальный ритуал (он мог длиться годами) вообще был характерен для различных этносов Евразии — «кочевых» и «оседлых». Относительно тюркских племен и народов Д. Г. Савинов отмечает: «Данная особенность проведения поэтапной церемонии проводов умершего у раннесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири была настолько выразительной, что, как непрменный атрибут их культурной характеристики, была отмечена свидетельствами китайских письменных источников» (*Савинов*, 2013. С. 44–45).

Противоположная точка зрения в последние годы представлена в концепции Г. И. Богомолова, который все расчлененные погребения Средней Азии готов объяснить следствием распространения зороастризма (*Богомолов*, 2005. С. 187–196; 2006. С. 183–193; 2007. С. 77–82). Автор исходит из того, что «в эпоху раннего средневековья... для всего Согда, ведущим типом погребальной обрядности становится обряд, состоявший из двух этапов: предварительное выставление трупов и затем захоронение очищенных от мягких тканей костей. Нередко кости помещались в специальные сосуды-оссуарии или однокамерные наземные сооружения — склепы-наусы, реже в грунтовые могилы» (*Богомолов*, 2007. С. 77). По логике рассуждений Г. И. Богомолова, наусы служили для окончательного помещения в них оссуариев — керамических урн (или просто сосудов) с очищенными от плоти костями покойного или же для хранения просто кучек очищенных костей. Они являлись как бы завершающими в ряду канонических погребальных сооружений. При такой трактовке остается непонятным, почему более чем треть наусов при расчистке оказываются практически пустыми.

В историографии проблемы традиционно почему-то считается, что оссуарии являются единственным и безусловным признаком (свидетельством) только зороастрийского погребального обряда. При этом как бы забывая существование, например, древней еврейской погребальной традиции, так же связанной с оссуариями. В обзоре подобных взглядов Э. В. Ртвеладзе отмечает: специалистами установлено, «что широко распространенная на раннесредневековых оссуариях Согда схема декора в виде двух или четырех многолепестковых розеток, помещенных между стилизованными колонками, совпадает с традиционным декором еврейских оссуариев.

На этом основании они считают, что оссуарии с таким декором могли принадлежать еврейским общинам в Согде во время становления здесь оссуарного обряда захоронения (IV–V вв.), но подчеркивают, тем не менее, что таких оссуариев единицы и что пока нет полной уверенности в их еврейской атрибутике. Между тем, находки оссуариев с древнееврейскими надписями из Старого Мерва убедительно свидетельствуют о том, что еврей, по крайней мере, в Маргиане, использовали оссуарии для захоронения» (*Ртвеладзе*, 2004. С. 11).

М. И. Филанович, вслед за Ф. Гренэ, считает что оссуарный обряд появился в Ташкентском регионе не ранее VI в., как и в Семиречье, из Согда. Но при этом формы и оссуариев, и самих наземные построек, в которые их помещали, трансформировались под влиянием форм традиционных местных надмогильных сооружений (*Филанович*, 1990. С. 85–96). А. А. Грицина датирует захоронения костей в хумах в Уструшане (Джизакская и Сырдарьинская обл. Узбекистана) с III–IV вв. (*Грицина*, 1997. С. 27–28;

1999. С. 223–225). То есть мы можем предполагать, что с этого времени получают распространение и места для выставления трупов, возможно в виде наземных склепов. Г. А. Богомолов обосновывает более раннее появление оссуариев в Чаче и видит их генезис в керамических гробах парфянского времени (*Богомолов, 2006. С. 183–193*).

Реконструируемый нами погребальный обряд предполагает, что после очистки костей в наземных склепах, останки представителей определенных социальных категорий собирались в хумы и, как вариант, помещались на хранение в стационарные «храмы предков». Там были специальные комнаты-хранилища, определенная инфраструктура обеспечивала доступ к костным останкам. Такие хранилища (хумхона) расчищены на городище Сидак на уровне верхнего горизонта (VII–VIII вв.) и на уровне горизонта с пятиугольным культовым двором (IV–VI вв.) (*Смагулов, 2008. С. 292–296*). При расчистке помещений этих горизонтов найдено до сотни археологически целых хумов, зачастую вкопанных в суфы или под пол помещений и закрытых крышками, но совершенно пустых. Лишь в редких случаях в них находились некоторые мелкие артефакты (костяная пряжка, костяной «пенал», медная игольница, шило бронзовое, игральная кость и т. п.). На многих из них еще по сырой глине были прочерчены крупные знаки/тамги (*Смагулов, Яценко, 2010. С. 190–221*).

В одном случае рядом с хумом найден зарытый в суфу кувшин с костюмным комплектом и личными атрибутами. Если предположить, что в хумах, обнаруженных пустыми, хранились очищенные естественным образом в склепах костные останки усопших членов данной общины, то тогда этот комплекс украшений и амулетов из кувшина можно истолковать как комплект личных вещей и не истлевших деталей костюма, захороненный вместе (рядом) с останками его хозяйки (*Смагулов, 2013. С. 117*). При такой интерпретации находят объяснение и отмеченные выше находки в некоторых хумах отдельных мелких вещичек, и находки отдельных костей скелетов в развалах этих сосудов, и абсолютное отсутствие во множестве расчищенных целых хумов малейших признаков пищевых продуктов...

В ферганской части присырдарьинского региона известен другой храм предков. Мы имеем в виду так называемую «усадьбу Кайрагач», исследованную Г. А. Брыкиной в 60-х годах прошлого века (*Брыкина, 1982. С. 29 и сл.*). Автор исследования видит здесь «храм предков» лишь в трех–четыре помещениях, в которых обнаружены знаменитые керамические идолы. Остальные помещения вскрытого комплекса, судя по публикациям и отчетам, были буквально забиты развалами хумов и хумчей. Считать эти помещения при храме предков неким общественным амбаром не позволяет отсутствие в отчетах упоминаний о случайно сохранившейся горсти-другой пищевых припасов. Но ничто не мешает предположить здесь хранилища костей предков в крупных керамических сосудах-хумах. Правда, нет сведений и о найденных в связи с этими сосудами отдельных мелких атрибутах или человеческих костях. Но, похоже, на такие «мелочи» в ходе раскопок этого памятника внимания вовсе не обращалось. Пока единственным, хотя и не абсолютным, аргументом в пользу нашего предположения могут служить многочисленные тамги/знаки на плечиках хумов, обнаруженных в этих помещениях.

Полученные материалы из Борижарского могильника и погребальных памятников присырдарьинского региона эпохи древности и раннего средневековья, на наш взгляд, достаточно наглядно демонстрируют общие дозороастрийские, языческие по сути свойства и признаки. Нет никаких оснований говорить об участии в их формировании адептов религии сасанидского Ирана, так же как подозревать древнее население берегов Сырдарьи в чтении Авесты. При этом «мазденстские» верования оставались традиционными верованиями местных среднеазиатских племен и народов. Влияние на них зороастризма или буддизма с манихейством, увы, не находит однозначно трактуемого отражения в «археологии ритуала» присырдарьинских культур поздней древности и раннего средневековья.

Агеева Г. П., Пацевич Е. П. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1.

Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ. Ташкент, 1962. Вып. 3.

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Ранне-средневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Байпаков К. М., Воякин Д. А., Антонов М. А., Акылбек С. Ш., Сорокин Д. В. Создание геоинформационной системы Борижарского могильника // Известия НАН РК, Сер. обществ. наук. Алматы, 2008. № 1

- Богомалов Г. П. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Богомалов Г. П. К изучению оссуарного обряда Чача // ИМКУ. Ташкент, 2006. Вып. 35.
- Богомалов Г. П. Из истории зороастрийского погребального обряда // Самаркан шахрининг умумбаширий мадания тараккиёт тарихида туттан урни. Тошкент; Самарканд, 2007.
- Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы // СА. 1968. № 3.
- Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982.
- Вайнберг Б. П. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. - VIII в. н.э. М., 1999.
- Грицина А. А. Об оссуарном обряде в Уструшане // Верования и культуры Средней Азии: Гос. музей Востока. Тез. конф. М., 1997.
- Грицина А. А. О погребениях в хумах в Зааминском тумане // ИМКУ. Ташкент, 1999. Вып. 30.
- Горячева В. А. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Ержигитова А. А. Исследования могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004». Алматы, 2005.
- Ержигитова А. А., Смагулов Е. А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия МОН НАН РК, Сер. общест. наук., 2004. № 1
- Зилвинская Э. А. Подкурганые сырцовые оградки (об одном археологическом мифе) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишова. Алматы, 2014.
- Левина Л. М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996.
- Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Мейтартчиан М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб., 2001.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966.
- Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата. 1969.
- Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970.
- Остроумов Н. П. Археологическая поездка в с. Мамаевку Чимкентского уезда // Протоколы ТКЛА, год IV. Ташкент, 1899.
- Пугаченкова Г. А. Хорасанские мавзолеи // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Ртвеладзе Э. В. Еврей-иудансты в доисламской Средней Азии // Еврей в Средней Азии: вопросы истории и культуры. Ташкент, 2004.
- Савинов А. Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.
- Смагулов Е. А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана: Тр. науч.-практич. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004а.
- Смагулов Е. А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологий. Астана, 2004б.
- Смагулов Е. А. Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. II.
- Смагулов Е. А. Культурные постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы и их предшественники, современники и наследники. Труды Государственного Эрмитажа, СПб., 2013. Т. LXII.
- Смагулов Е. А., Яценко С. А. Знаки – нишан и сюжетные граффити V-VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма: К 100-летию со дня рождения С. П. Толстова / Отв. ред. Э. Д. Зилвинская. М., 2010.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. 2. М.; Л., 1953.
- Филанович М. П. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.